

Смерть поэта

Памяти Татьяны Александровны Бек

1.

Не доехала, а «дошла»,
не в Саратов — на Головинское.
Отдалилась и обрела — девять дней,
сорок дней — крыла.
Подняла — отпустила лишнее.
Отделилась в полёт, ступень
за ступенью качнулась улица,
на которой оркестр пьянел
от Шопена, как подшофе
пастор трясся, редактор хмурился.

2.

Пузырёк из-под таблеток на чернильницу
похож.
А гусиное перо — на столовый нож.
— Вероятно, «бытовуха»?
— Строго-настрого!
Но сухо
лёг «по мокрому» надрез.
Чирк-чирикнул по запястью,
и пошёл процесс.

3.

Гололёд, гипс. Голос дрожит.
Инфаркт? Суицид? Кто говорит?
Никто уже не говорит. Все молчат.
Не оправилась от травли,
отравилась крепким сном.
Вспыльчива и ранима. Огонь без дыма.

4.

В девяносто восьмом она была оппонентом
на моей защите в Литинституте
и перед началом официальной части
отвела меня в сторонку
и тепло, искренне говорила,
как понравилось ей моё посвящение
Мастеру,
Евгению Борисовичу Рейну.
А через несколько быстрых лет
её убило его предательство.

5.

Стыдно, хлопцы, митинговать.
Устроили бульварную вакханалию
на Тверском, двадцать пять.
Тень Мандельштама сбежала на Никитский,
от стыда сгорая, бродила молча.
Стольный град, поистине иезуитский.
Литературное логово волчье.
Помялись «с часик» у Грибоедова.
Выпили, не чокаясь, отобедили.
Рейн молча курил, сутулится.
Ардов трясся, Чупринин шурился.
Помянули, называется. Открестились.
Вовремя подсутились.

Я преклоняюсь перед Рейном,
а Пушкина — боготворю.
О Гёте думаю, о Гейне —
с готовностью поговорю.
Рембо и Блейк, Верлен и Киплинг —
перебродили, отошли
на многоуровневый «клининг»
от сердца, словно от земли,
теряя будничные связи,
ушли, что в небо караван.
Но Александр вернулся сразу,
и Генрих с ним, и Иоганн —
Поверх влияния и соблазнов —
Учитель, слава Богу, жив.
И объясняется прекрасно,
преображая лейтмотив.
В ершалаимском ералаше —
пожить подольше не слабак.
Не резал вены в «Эрмитаже»,
не инвестировал в кабак,
в отличие от адресата,
осуществившего мечту
американскую, собрата,
перелетевшего черту
границы нашей несвободы.
Теперь и там не продохнуть.
Хотя — какие наши годы!
Всё может быть когда-нибудь.

Кода

*Памяти А. В. Зимакова,
виртуоза классической гитары*

В Академгородок, на окраину Томска,
он летел на такси, на обгон.
Было поздно, мороз, сорок градусов в сердце.
А снаружи замёрз домофон.
Он кричал, он стучал в непроглядные окна,
но никто его слышать не мог.
И поблизости не было тёплого места,
где согреться устроил бы Бог.
Охлаждение, сонное состояние.
Алексей неизбежно уснул.
А когда обнаружили, в местном травмпункте
докторишка его бортанул.
Выгнал внаглую, пёхом:
в кармане некстати
не нашлось в этот день ни копыя...
Он добрался до дома,
но скоро в палате,
в областной, навестили друзья.
Оказалось, реанимировать поздно.
В результате лишился восьми.
В это трудно поверить, но дальше, серьёзно,
Алексей занимался с детьми!
Это были уроки на выживание—
не простить, но хотя бы принять.
Не искать виноватых. Для их оправдания
доказательств не будет хватать.
Ампутация пальцев для виртуоза—
всё равно что лишиться души.
Но фантомными болями после наркоза
приживаются миражи.

Природа свыше нам дана...

Примерчик средний, и темп замедлен.
А раньше... мог бы... пять раз подряд.
— Да что вы? За ночь? Я вам не верю.
— Я сам не верю. Но это—факт.
Похвастать нечем, гордиться нечем.
Жаркоё съели. Застыл гарнир.
Не заведётся—меняю свечи.
Совсем заглохнет—зову буксир.
По ходу дела обезоружен.
В иную плоскость перемещён.
Мечтал о море—сiju на суше.
Хотел свободы—раскрепощён.
Знакомый образ во сне маячит.
Но—ясен перец—вопросов нет.
Финита, в общем. А это значит:
держали свечку—тушите свет.

Свои

Ранним утром в метро—
Даже в Пост—перегар
наполняет набитый вагон.
Если платишь тем более,
как на пожар,
устрашающе, вскачь, устремлён.
Кто тебя остановит, какой фейсконтроль?
Наблюдатели «ловят волну».
Только чтобы не смыло, работают роль,
а иначе за борт—и ко дну.
Под завязку: успеть бы хоть боком войти,
Не задеть никого, выходя.
Над смартфонами щурятся те, кто в пути
Оказался минуту спустя.
Приближение поезда—экшн, экстрим:
На краю, у опасной черты,
Каждый чувствует, как же он невыносим
Для других, уязвим для беды.
Начинается гонка. Вот-вот коротнёт.
Торопливая тряска, гоньба.
Щекотать себе нервы, и полный улёт
обеспечен. Собачья судьба.
Осуждаешь—кого?
Выжидаешь—чего?
Кто приветлив, тому и респект.
Локоть к локтю, и примут
как своего.
Будет полный букет и комплект.
Кто приветлив в метро,
тот с «приветом», никак
не иначе. А то, что разит
перегаром от тех,
кто «гульнуть не дурак»
накануне, так «наш» паразит.
То есть, значит, порядок.
Пушай, не брани.
Не утонет, всегда на плаву.
Пусть попьёт, проблюется, а утром гони
на работу—пахать за жратву.

На Святки

Исповедь как Истина, а не как обычай,—
вот моя амнистия и моя обитель.
А отдать придётся много и всего.
То, что остаётся, стоило того.
Тише, чем изменник, жалче, чем позёр,
произносит пленник самооговор.
Ничего не надо даром и силком.
Не поможет воздух, если в горле ком.